

УДК-323.173

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-59-68

АВТОНОМИЗМ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМАТИКА ВОПРОСА И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СУВЕРЕНИТЕТА

Ю. Н. Фролова

Фролова Юлия Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Институт истории и социальных наук,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: ORCID 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Аннотация

Посвящена проблематике сепаратизма, в частности одной из его форм – автономизму внутригосударственных регионов и его возможным последствиям и влиянию на суверенитет. Автор делает акцент на том, что чаще именно сецессионизм рассматривается как основная угроза суверенному государству, однако автономизм, трансформируя суверенное государство изнутри, вероятно, формирует не менее серьезные вызовы. Методологическая основа работы представлена теориями суверенитета, регионализма, автономизма, сепаратизма, а также концептом внутригосударственного региона как актора мировой политики. Уделяется внимание проблематике трансформации суверенитета в современном мире и тому, какие именно перспективы этот процесс создает для развития движения автономизма. Рассматривая отдельные примеры автономизма, автор формулирует тезис о комплексности данного явления: это не только движение за приобретение политической субъектности, но и некоторая аналитическая и практически существующая структура, состоящая из указанного движения, а также многообразия взаимосвязанных акторов и проектов, которые в результате возникают как внутри государства, так и вне его – на пространстве всей мировой политики. В результате формулируются выводы о возможных последствиях для суверенитета, а также определяются дальнейшие направления исследования вопроса.

Ключевые слова: автономизм; сепаратизм; суверенитет; внутригосударственный регион; регионализм; Европа регионов; субъектность.

Введение

Сепаратизм является одним из глобальных вызовов для значительного количества суверенных государств мира как практическая реализация столкновения концептов суверенитета и права на самоопределение. В политическом движении сепаратизма можно выделить два направления: сецессионизм (как движение по достижению независимости территории) и автономизм (как движение, целью которого является расширение прав и автономии территории, а также повышение ее статуса внутри государства). В научной литературе чаще именно сецессионизм представляется как основная угроза суверенному государству, а значит, и основам миропорядка, и на его изучение направлено основное внимание академического сообщества. Однако автономизм представляет собой не меньшую угрозу, направленную на трансформацию суверенного государства изнутри. Важным для международной безопасности аспектом является не только изучение тех процессов, которые происходят внутри государства с развитием автономий, но и того, каким образом автономистские процессы влияют на общую структуру акторов мировой политики, а также как формируется взаимодействие с другими акторами. Целью данного исследования является выявление особенностей влияния процессов автономизма на мировую политику в целом, а также взаимосвязи феномена с трансформацией суверенитета в современном мире.

Обзор литературы

Давая характеристику современному состоянию исследований по проблеме, стоит отметить, что разные аспекты сепаратизма исторически вызывают большой интерес академического сообще-

ства, и работ по данной теме колоссальное количество. Укрупненно среди них можно выделить следующие категории. Первая группа работ связана с конструированием различных теорий суверенитета (Кокошин, 2006; Мусихин, 2010; Орлов, 2007; Сергунин, 2010; Черняк, 2005; Saeger, Costa, 2019; Srivastava, 2022; Duke, 2021) и проблемами его трансформации в современном мире (Энтин, Энтина, Толкунова, 2019; Евстафьев, Межевич, 2022; Вело, 2022; Grinin, 2018). Вторая группа представляет аспекты реализации права на самоопределение (Грушкин, 1997; Ланцов, 2012; Макаренко, 2009; Мартынов, 2000; Etzioni, 1993; Radan, 2018; Bursac, 2010). Отдельно стоит выделить группу работ по проблематике негосударственных акторов мировой политики (Цыганков, 2013; Холдоров, 2017; Wolfers, 1959; Risse, 2002), в особенности о роли регионов (Лебедева, Кузнецов, 2019; Макарычев, 2010; Барабанов, 2005; Faraj, Najm, 2022), а также о соотношении категорий «актор», «субъект», «агент» политики (Беляева, 2011; Скопин, Климов, Зайцев, 2015).

Отдельную, одну из наиболее многочисленных групп занимают исследования, посвященные различным кейсам европейского сепаратизма (Хенкин, 2016; Барабанов, 2005; Кожановский, 2014; Данилевич, 1995; Орошин, 2019; Еремина, 2011; McStone, Keating, 2022; Gora, 2021 и др.), особенно вопросам автономизма (Аникеева, 2007; Коваль, 2012; Дерябина, 2009; Иванов, 2013; Орлова, 2013; Грабевник, 2018; Peterlini, 2009), а также комплексные работы по особенностям европейского сепаратизма (Осколков, 2021; Институт Европы 2015). Стоит отметить, что в силу популярности тематики сепаратизма в научной литературе он рассматривается с самых разных точек зрения: существует пласт работ, помещающих сепаратизм в этнополитическую рамку исследования (Horowitz, 1985; Тишков, Шабаев, 2011; Тишков, 2003); работы, рассматривающие сепаратизм с точки зрения национализма (Smith, 1979; Gellner, 1983; Breuille, 1982; Seton-Watson, 1977); работы, исследующие его с точки зрения практики международного права (Perea Unceta, 2014; Closa, 2017); работы, предлагающие системную пространственную типологизацию сепаратизма (Попов, 2012; Заяц, 1999) и др.

Методология

Теоретическая рамка исследования основана на комбинации ряда концепций. В работе Ф. А. Попова «География сепаратизма» автономизм рассматривается как один из вариантов сепаратизма – повышение степени автономии территории в рамках существующего государства (Попов, 2021: 23). В некотором смысле автономизм схож с понятием регионализма, при этом некоторые авторы (Заяц, 1999) рассматривают регионализм и автономизм как две последовательные стадии развития политической самостоятельности актора. Автономизм в работах Ф. А. Попова имеет сходство с концептом регионализма в работах П. В. Панова как движения, «которое стремится к политическому конструированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс» (Панов, 2020: 105), однако, как подчеркивает автор, регионализм более точно формулируется не через требование автономии, а через требование субъектности, в связи с чем автор выделяет три варианта коннотации регионализма. Кроме того, в отечественной научной литературе регионализм рассматривается не только как движение внутригосударственных регионов, но он также актуален в контексте образования наднациональных и транснациональных регионов. Такие процессы могут называться трансрегионализацией (Кузнецов, 2021), регионализмом (Лагутина, Михайленко, 2020), трансрегионализмом (Лебедева, Кузнецов, 2019). Такая многоликость термина связана с многообразием исследовательских задач, которые формируются вокруг него: «если в рамках раннего регионализма регион рассматривался преимущественно как пространство, расположенное между национальным и локальным уровнями внутри отдельно взятого государства (микрорегионы), то в современных исследованиях речь идет о выходе региона на макрорегиональный уровень» (Лагутина, Михайленко, 2020: 268). Следует отметить, что мы не можем полностью заменить регионализм на автономизм применительно к внутригосударственным регионам, так как в рамках теории регионализма П. В. Пановым предлагаются модели, служащие аналитическим инструментом при исследовании конкретных эмпирических случаев.

Классическое, или вестфальское понимание суверенитета, введенное работами Ж. Бодена в XVI веке и закрепившееся в процессе становления Вестфальской системы международных отношений в 1648 году, подразумевало под собой определенную гомогенную характеристику высшей степени субъектности политического актора. Принимая во внимание многообразие подходов к категории субъектности и ее использование в качестве общенаучной категории, в данной работе под политической субъектностью мы понимаем обретение механизмов и ресурсов собственного влияния на процессы. Суверенитет как экстремум этой субъектности долгое время являлся неотъемлемым атри-

бутом лишь государств, не предполагая собой выделения каких-либо отдельных элементов внутри (нередко упоминающееся деление суверенитета на внешний и внутренний не лишало его целостности). С развитием процессов глобализации не раз ставился вопрос об «отмирании» суверенитета, его «размывании», ограничениях и т. д. Стоит хотя бы вспомнить бурный рост количества теорий толкования суверенитета в XX в. Автор придерживается тезиса, что «десуверенизация глобальных процессов – пройденный этап» (Евстафьев, Межевич, 2022: 121), однако это не означает возвращения вестфальского суверенитета. Суверенитет становится многослойным, негомогенным, ситуативным, инструментальным. Выделяются виды суверенитета: информационный, продовольственный, экономический и т. д. При этом границы одного вида могут не совпадать с другим: так, «границы информационного суверенитета не совпадают с государственными» (Евстафьев, Межевич, 2022: 126). По некоторым данным, суверенитет перестает быть эксклюзивной характеристикой государств: так, утверждается право на формирование концепции «европейского суверенитета» (Made-to-measure Future(s)..., 2023: 151) как качественно иной формы субъектности.

Следующая методологическая категория, использованная в работе, – концепт внутригосударственного региона как актора мировой политики. В рамках данного исследования такой подход принципиально важен в связи с тем, что изучается влияние автономизма на мирополитические процессы, а не на процессы внутри государства. В современной науке о международных отношениях принято выделять крайне неоднородную и трудно поддающуюся подсчету группу негосударственных акторов мировой политики. Исследованиям роли негосударственных акторов в мировой политике дали толчок работы транснационалистов (прежде всего, Дж. Ная и Р. Кохейна). Ряд исследователей (например, М. М. Лебедева) к одним из наиболее влиятельных акторов мировой политики относят внутригосударственные регионы. Трансграничное взаимодействие регионов, особенно в экономической плоскости, не является чем-то новым и уникальным для истории, однако на сегодняшний день выявляются формы такого взаимодействия, которые носят все более политический и самостоятельный характер, ставящий под угрозу суверенные функции государства. Особенно это проявляется в европейском регионе, где, в частности, стала популярной концепция «Европа регионов», которая в своей реализации открывает широкие возможности для развития субъектности регионов.

Автономизм внутригосударственных регионов

Существуют отдельные исследования, демонстрирующие, что современные сепаратистские движения далеко не всегда ставят своей целью получение независимости. Более того, в последние годы в ряде регионов мира наблюдается тенденция отказа сепаратистов от проекта построения независимого суверенного государства и акцент на усиление субъектности внутригосударственных регионов. В этих случаях часто расширение автономии и приобретение определенной степени политической субъектности, в том числе для трансграничного взаимодействия с другими акторами за пределами суверенного государства, являются достаточными. По нашему мнению, автономизм представляет собой не просто движение какого-либо региона в сторону повышения субъектности, но и те внешние и внутренние факторы и проекты, которые формируются вокруг этого движения и в некоторых случаях являются определяющими для него. В результате формируется автономистский конструкт взаимодействующих элементов: регион, внешние силы, акторы и проекты. Следующие примеры демонстрируют многогранность проявлений, географии и влияния автономизма, среди которых: движение автономизма как создание конфедерации автономий вместо национальных государств; деятельность Комитета регионов в ЕС; движение автономизма для создания европейских регионов (особняком здесь стоит ситуация вокруг Северной Ирландии); формирование с помощью автономизма площадки для вмешательства внешних участников; повышение роли автономистских акторов с целью влияния на национальную политику.

В первую очередь среди таких примеров можно выделить идею создания курдских трансграничных автономий – автономизм как создание конфедерации автономий. Данный проект возник в качестве ответа на неприятие национального государства как продукта «капиталистической гегемонии (Европы)» (Лебский, 2017: 245). В качестве альтернативы рассматривается единая демократическая конфедерация автономных образований. Идея системы таких автономных сообществ также предполагает, что решения должны приниматься не в центре «национального государства», а на максимально низовом региональном уровне. В свою очередь, объединение таких автономий в конфедерацию гарантирует взаимосвязь органов местного самоуправления, где «решения принимаются не в отрыве друг от друга и не ограничиваются местными проблемами и обсуждениями» (Йонгерден,

2017: 251). Стоит отметить, что эта идея в целом экстраполируется и на весь Ближний Восток как способ решения непрекращающихся конфликтов между государствами и внутри них: «это единый обновленный Ближний Восток, вышедший из стадии непрекращающейся национально-религиозной резни» (Лебский, 2017: 245). Такая автономизация способствует максимальной децентрализации власти и вовлечению в процесс управления всех заинтересованных социальных акторов (своего рода возврат к практикам демократии Древней Греции).

Средоточием примеров автономизма является европейский регион. Здесь автономизм представляется в виде идеи европейских регионов, которые обладают значительным суверенным инструментарием. Практикой автономизма можно считать интерес со стороны умеренных баскских сепаратистов в лице правящей в регионе партии БНП (Баскской националистической партии) к различным формам трансграничного взаимодействия, в том числе в рамках Комитета регионов ЕС, активную политическую коммуникацию со своими диаспорами за рубежом, инициативы по повышению политической роли автономного сообщества, а также тезис руководства региона о том, что он европейский, а не испанский. При этом сама БНП на сегодняшний день не поддерживает идею сецессии. Схожая позиция относительно принадлежности региона к Европе наблюдается и в деятельности ШНП (Шотландской национальной партии), однако она, в свою очередь, представляет собой классического сецессионистского актора: с учетом планов «вернуть регион»⁶ ЕС как суверенного актора, а также широкой кампании в поддержку референдума о независимости Шотландии от Великобритании. Элементом в структуре автономизма представляется и лидирующая партия Корсики – *Femu a Corsica* («Давайте сделаем Корсику») – с ее требованиями признания статуса корсиканского народа и языка⁷ с одновременным сохранением конструктивного диалога с Парижем. С учетом классификации моделей регионализма П. В. Панова (Панов, 2020: 112), представляется, что указанные случаи укладываются в описание всех трех моделей, где баскский регион иллюстрирует первую модель, когда «состояние отношений между центром и регионом уже характеризуется “наличием” у региона политической субъектности» (Панов, 2020: 112) – в данном случае зафиксированном в Статуте Герники 1979 г., а центр (испанское правительство) развивает взаимодействие с регионом, исходя именно из наличия этой субъектности. Стоит, правда, отметить, что в самой Стране басков регионалистское движение расколото: существуют как сецессионистские акторы (в лице партии *Eh Bildu* («Соберем Страну басков!»)), так и умеренные автономистские. Ситуация вокруг Корсики, вероятно, может классифицироваться в рамках второй модели, когда регион не обладает политической субъектностью, хотя некоторые элементы таких стремлений присутствуют. И третья модель иллюстрируется взаимоотношениями Шотландии и Великобритании, где центр не желает признавать политическую субъектность региона, хотя такое желание у самого региона присутствует. Такого рода регионализм уже не является автономизмом ввиду наличия сецессии как ключевой цели.

Другой пример реализации инструментария суверенитета – стоит отметить, уникальный для Евросоюза, – феномен Комитета регионов. Будучи изначально консультативным органом, на сегодняшний день этот институт представляет собой значимый инструмент влияния на политику ЕС (особенно после подписания в 1997 г. Амстердамского договора, по результатам которого орган фактически получил автономию), в рамках которого возрастает количество обязательных для институтов ЕС заключений. Для темы данной статьи примечательной является основная инициатива 2021 г.: «вернуть трансграничное сотрудничество на первое место в политической повестке дня ЕС» (Кондратьева, 2021). Имея в своей основе принцип субсидиарности (а именно обеспечение принятия решений на уровнях, максимально близких к гражданам) и концепцию «Европа регионов», Комитет регионов ЕС развивает активную деятельность на пространстве Союза. Логика деятельности Комитета основывается на тезисе, что современная мировая политика позволяет реализовать демократические ценности не только посредством национальных государств, но и других – субрегиональных и наднациональных акторов. Таким образом, в случае обладания значительными правами регионы ЕС сами по себе могли бы обеспечивать своих граждан требуемым демократическим управлением без посредничества национального центра. Передача большего числа суверенных полномочий на уровень

⁶ Премьер Шотландии пообещала вернуть регион в ЕС в скором времени (2021) [Электронный ресурс]. *Интерфакс*, 1 янв. URL: <https://www.interfax.ru/world/743827> (дата обращения: 03.03.2024)

⁷ Radiofrance. Gilles Simeoni: "Je suis dans une position de combat politique pour faire reconnaître mon peuple et ses droits". Available at: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/podcasts/le-7-9/gilles-simeoni-je-suis-dans-une-position-de-combat-politique-pour-faire-reconnaitre-mon-peuple-et-ses-droits-6869640> (Accessed 24 March 2024).

регионов (а это одно из ключевых направлений деятельности Комитета⁸) позволяет более эффективно и оперативно решать насущные проблемы. Интересно посмотреть и на то, находят ли подобные политические инициативы поддержку среди граждан ЕС, для чего обратимся к некоторым социологическим опросам. Проект *Future of Europe*⁹ демонстрирует, что у регионов все еще недостаточно полномочий, чтобы влиять на будущее Европы (64 %). А по другим данным значительная часть респондентов (25 %)¹⁰ отметила в качестве приоритетного направления трансграничное взаимодействие с другими регионами. Такого рода процессы интересны европейским сепаратистам. С другой стороны, мы, вероятно, можем наблюдать парадокс: этот проект может действительно способствовать объединению Европы, но уже не Европы наций, а Европы регионов, где речь идет не о формировании сецессионизма, а об установлении автономизма.

На сегодняшний день в русле автономизма развивается и взаимодействие Северной Ирландии с Великобританией и ЕС посредством механизмов Североирландского протокола. Кейс Северной Ирландии несколько отличается от модели европейского региона по двум причинам: механизмы, созданные в результате Брексита, обладают своей уникальной спецификой; ключевые политические акторы на территории Северной Ирландии не являются строго автономистскими. Североирландский протокол в условиях Брексита де-факто «оставил» Северную Ирландию в составе ЕС, особенно это коснулось торговой политики. Данное соглашение регулирует движение товаров между Республикой Ирландия, Северной Ирландией и Великобританией, чтобы избежать «жестких» границ на острове. В 2023 году было заключено Виндзорское соглашение¹¹, которое предусматривает дополнительные условия к Североирландскому протоколу, в том числе так называемый Стормонтский тормоз, который позволяет Ассамблее Северной Ирландии приостановить применение правил единого рынка ЕС в регионе. Парадоксально, что сами политические силы Северной Ирландии вряд ли можно классифицировать как автономистские (но можно говорить о регионализме): большинство мест в парламенте занимают либо строго сецессионистские силы (партии «Шинн Фейн»), либо юнионистские (ДЮП – Демократическая юнионистская партия), либо партии, дистанцировавшиеся от вопросов национализма / юнионизма (партия «Альянс» Северной Ирландии). Тем не менее уникальные механизмы, созданные в результате Брексита, фактически обеспечивают региону существование в рамках автономизма – получение высокого уровня субъектности и ряда суверенных инструментов с отсутствием перспектив на сецессию.

На наш взгляд, феномен автономизма во многом связан с трансформацией суверенитета в явление операционное с наличием конкретного «инструментария для обеспечения и политической воли» (Евстафьев, Межевич, 2022: 140). В этой ситуации суверенитет уже не интересен сам по себе как гомогенная характеристика, а нужны лишь определенные суверенные инструменты и функции (в ограниченном формате) для достижения конкретных целей. В условиях формирования постглобального мира внутригосударственные регионы сами становятся важными акторами мировой политики. С одной стороны, процессы автономизма не ведут напрямую к нарушению суверенности государств и их территориальной целостности, с другой – расширение полномочий региональных правительств и углубление их автономии фактически говорит о «перетягивании» ряда суверенных функций от центра к периферии, что, в свою очередь, «размывает» государственный суверенитет. От гомогенного, сакрального и эксклюзивного, дозволенного лишь национальным государствам, суверенитет становится все более практической категорией, включающей в себя отдельные самостоятельные элементы. Суверенитет фактически становится «многослойным», и эта «многослойность» дополняется новыми «слоями», которые возникают в результате ответа на вызовы времени. Примером появления нового «слоя» как ответа на современные вызовы является возникновение «суверенитета данных» как способности привести информационную, коммуникационную инфраструктуру и технологии в соответствие с законами, потребностями и интересами города, региона или страны, в которых находятся пользователи (*Made-to-measure Future(s)...*, 2023: 113). Такая задача явилась следствием стремительного развития цифровых технологий в последние годы и актуализировалась в результате

⁸ Political Priorities 2020-2025. European Committee of the Regions. Available at: <https://cor.europa.eu/en/our-work/Pages/cor-priorities.aspx> (Accessed 10 November 2023).

⁹ European Committee of the Regions. Local politicians of the EU and the Future of Europe. Report July-September 2021 (2021). *Flash Barometer*, October. Available at: <https://cor.europa.eu/en/our-work/EURegionalBarometerDocs/Survey%20Report.pdf> (Accessed 10 November 2023).

¹⁰ Regional and local barometer. Influence of regions and cities (2022). *Regional and local barometer*. Available at: https://cor.europa.eu/en/our-work/Documents/Local%20Politicians_infographics-%20barometer.pdf (Accessed 10 November 2023).

¹¹ Northern Ireland Protocol: The Windsor Framework (2023). *House of commons Library*, 21 March. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9736/CBP-9736.pdf> (Accessed 20 March 2024).

пандемии ковида. Суверенное государство представляет собой эффективный инструмент управления сообществом в обеспечении безопасности и противостоянии окружающим «другим». Однако, если «этот специализированный орган сообщества – государство – демонстрирует глубокий и не поддающийся быстрому исправлению провал управления, у сообщества возникает соблазн «отступить» в политической практике к более ранним синкретическим формам организации; поддаваясь этому соблазну, сообщество возвращает себе функции политической субъектности» (Лапкин, 2023: 175). Представляется, что такого рода процессы могут происходить разными способами. Самый старый формат – возвращение государству ограниченной функции «ночного сторожа» с ограничением его вмешательства в другие сферы общественной жизни. Более современной тенденцией являются различные формы построения глобального гражданского общества как более эффективного инструмента для решения глобальных проблем (а) и как альтернатива дискредитировавшей себя модели неоллиберальной демократии, провозгласившей ранее свое главенство в мире (б). Формирование автономизированных сообществ и / или регионов через принцип субсидиарности также представляет собой форму передачи политической субъектности на уровень сообщества.

Еще одна грань автономизма, оказывающая значительное влияние как на суверенитет, так и на мирополитические процессы, – ситуации, в которых автономизированные территориальные единицы формируют площадку для вмешательства внешних акторов и реализации их собственных интересов на международной арене, иногда и в разрез с национальными интересами. Вспомним случай Гренландии и возросший к ней интерес со стороны крупных государств (прежде всего, США и Китая) после роста важности Арктики в мировой политике. Арктика становится внешнеполитическим приоритетом номер один для многих государств, что отмечено, в частности, в Концепции внешней политики РФ 2023 года¹², Стратегии национальной безопасности США 2022 года¹³, а также Белой книге Китая¹⁴. Так, начиная с 2000-х годов Китайская Народная Республика наращивает связи с островом, делая ставку на экономическое и научное сотрудничество (Криворотов, 2021), что вписывается в логику их основной инициативы «Один пояс – один путь». По имеющимся данным, китайская сторона ежегодно отправляет своих рабочих на рыбопереработку в Гренландии, проводит культурные обмены и разрабатывает горнодобывающие проекты (Криворотов, 2021: 124). Кроме того, Гренландия рассматривается и как крупный источник сырья. США также демонстрируют рост заинтересованности в острове как минимум через неоднократно декларируемое стремление купить Гренландию. Такой интерес связан с выгодным транспортным положением острова, его ресурсами, а также заинтересованностью США в Арктике. Проблема с Гренландией как плацдармом столкновения политических интересов усложняется ее особым территориальным статусом, а также глубокой историей развития сепаратистского движения.

Ситуация вокруг специального административного района Гонконг представляется еще одним примером, где в результате автономизма формируется плацдарм столкновения интересов разных акторов. Отличительной особенностью китайской ситуации является форма автономизма – не как развитие центробежных сил и передача полномочий от центра к региону, а, наоборот, как способ интеграции региона в систему Китая. Формат взаимодействия Гонконга с материковым Китаем обусловлен формулой «одна страна – две системы», при которой Гонконг, являясь частью суверенного государства КНР после передачи в 1997 году от Великобритании, обладает широкими автономными полномочиями, имея в том числе самостоятельное представительство в некоторых международных организациях. Структура партийной системы Законодательного совета Гонконга демонстрирует поддержку политики материкового Китая (подавляющее большинство принадлежит пропекинским партиям). Однако встречаются и другие оценки политического процесса в Гонконге, которые представляют его как конфликтный (Курныкин, Папашвили, 2022). Привлекает внимание и вопрос идентичности граждан Гонконга (Салицкий, 2021: 138): помимо китайской идентификации наблюдается наличие смешанной самоидентификации и идентификация себя только как «гонконгцев», а не «китайцев». В ответ на обострение политической ситуации в САР в 2019 году правительство Китая приняло «Закон КНР о защите национальной безопасности в САР Гонконг». В результате закона «правоохранительная система получила механизм противодействия четырем основным видам нарушений:

¹² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 20.03.2024).

¹³ National Security Strategy (2022) *The White House*, 12 October. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (Accessed 19 March 2024).

¹⁴ China's Arctic Policy. (2018) *The State Council Information Office of the People's Republic of China*, 26 January. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (Accessed 19 March 2024).

сецессионизм (сепаратизм); подрывная деятельность; террористические действия; сговор с зарубежными странами или внешними элементами, угрожающий национальной безопасности» (Салицкий, 2021: 143). Данный акт вызвал дискуссию, причем эта дискуссия усугубилась действиями зарубежных акторов – в частности, высказывалась озабоченность автономным статусом Гонконга, которая привела к подписанию так называемого Закона об автономии Гонконга Конгрессом США в 2020 году. Данный документ осуждал действия Китая за нарушение автономии Гонконга¹⁵ и вводил соответствующие санкции против Китая. Таким образом, особый статус территории, формирующийся в результате движения автономизма и представляющий собой фактически «серую» зону государственного суверенитета, позволяет внешним акторам вмешиваться и / или продвигать свои интересы на данной территории. Примечательным здесь является вопрос о политической субъектности, о которой мы говорили как о составной части движения автономизма. В классической научной интерпретации политическая субъектность подразумевает собственное влияние на процессы, однако в представленных примерах мы видим не рост собственного влияния региона, а подверженность влиянию внешних акторов, чья субъектность, безусловно, больше, чем региональная. Иными словами, в данных ситуациях автономизм привел не к повышению самостоятельности региона, а к усилению его слабости перед воздействием внешних сил.

Другой аспект влияния автономизма на политические процессы – воздействие на национальную политику, напрямую не связанную с проблемами региона. В такой ситуации сепаратистские политические силы регионов выступают как значимая национальная сила: они оказывают влияние на вектор развития ключевых национальных вопросов. Примером первой тенденции является ситуация с досрочными парламентскими выборами в Испании в 2023 году, когда в результате голосования ни одна партия не смогла получить достаточно мест для формирования большинства в парламенте. В результате лидеру ИСРП (Испанская социалистическая рабочая партия) Педро Санчесу пришлось пойти на компромисс с каталонскими сепаратистскими партиями, чтобы сформировать большинство. В обмен был предложен законопроект об амнистии каталонских сепаратистов, вызвавший бурную реакцию в испанском обществе и даже в рядах самой ИСРП. Кроме того, вновь стал актуальным тезис о возможном пересмотре административно-территориального устройства Испании в сторону федерации, что в целом не является новой инициативой для ИСРП – ранее идея федерализации была частью программы партии¹⁶. Таким образом, мы видим, что региональный сепаратистский актор может оказывать влияние на национальную политику не только в рамках традиционной дихотомии «унионизм / сепаратизм», но и по другим вопросам, как, например, определение национального лидера.

Заключение

Предполагается, что описываемая в статье тенденция не является на сегодняшний день магистральной: встречаются как сецессионистские, так и автономистские движения. Тем не менее благодаря «расслоению» суверенитета и возможности достаточно четко артикулировать и выделить такие «слои» у сепаратистски настроенных акторов появился «живой» инструмент получения реального влияния «малой кровью»: государство исторически больше всего опасается сецессии, а в случае автономизма ее не происходит. Однако в результате, вероятно, формируется некая форма субъектности, позволяющая регионам проводить определенную самостоятельную линию в обход государственного центра. При этом, как продемонстрировал случай Гонконга, автономизм не всегда подразумевает под собой рост субъектности.

В результате можно выделить основные последствия таких процессов для суверенитета и мировой политики в целом, вариации которых весьма широки: активное воздействие на внутреннюю политику – что является, вероятно, наиболее очевидной формой; проведение собственной внешнеполитической линии во взаимодействии с другими акторами международных отношений; формирование площадки развития конфронтации и / или вмешательства внешних акторов по ключевым вопросам мировой политики (как в примере с Арктикой); усложнение структуры акторов мировой политики, прежде всего негосударственных, что может вызвать дестабилизирующий эффект для мировой системы из-за, в том числе, непонимания, каким образом выстраивать взаимодействие и внешнюю политику с учетом этих тенденций. Представляется, что с развитием феномена автономизма форми-

¹⁵ Public Law 116–149 116th Congress. July 14, 2020. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-116publ149/pdf/PLAW-116publ149.pdf> (Accessed 19 January 2024).

¹⁶ PSOE, Programa electoral – Elecciones generales 2015. Available at: https://www.psoe.es/media-content/2015/12/PSOE_Programa_Electoral_2015.pdf (Accessed 25 September 2021).

руется автономистский конструкт, который во всех случаях (даже при наличии вариаций каждой составляющей) состоит из региона, политических автономистских сил, внешних участников, заинтересованных в данном процессе, а также возникающих в результате этого процесса проектов. Примечательно, что отдельно взятые элементы данной системы могут, строго говоря, не быть автономистскими (как было продемонстрировано в примерах выше) – будь то конкретный актор или проект – что не мешает всему конструкту целиком развиваться в русле автономизма.

Кроме того, выявляется ряд вопросов для дальнейших исследований тематики. Почему суверенитет перестает быть основной целью сепаратистов? Идет ли речь о формировании новой формы актора мировой политики и есть ли в ней черты суверенности? Формирует ли субъектность внутренних регионов качественно нового актора мировой политики? Какие угрозы основам мирового порядка и возможности может нести в себе этот процесс?

Список литературы / References

- Евстафьев, Д. Г., Межевич, Н. М. (2022) 'Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире', *Политическая наука*, 4, сс. 121–144. [Evstaf'ev, D. G., Mezhevich, N. M. (2022) 'Post-westphalian sovereignty in the post-global world' [Postvestfal'skii suverenitet v postglobal'nom mire], *Political Science*, 4, pp. 121–144, (In Russ.)], DOI: 10.31249/poln/2022.04.06
- Заяц, Д. В. (1999) Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма. Дисс. канд. геогр. наук. Москва. [Zayats, D. V. (1999) Territorial conflicts on the modern political map of the world: hotbeds and risks of separatism [Territorial'nye konflikty na sovremennoi politicheskoi karte mira: ochagi i riski separatizma]. Cand. Diss. (Geogr.): Moscow (In Russ.)]
- Йонгерден, Й. (2017) 'Освобождение Рожавы не произойдет в одночасье', в: Жизнь без государства: революция в Курдистане. сост. Д. Окрест, Д. Петров, М. Лебский, Москва: Common Place, сс. 248–257. [Jongerden, I. (2017) 'The liberation of Rojava will not happen overnight' [Osvo-bozhdenie Rozhavy ne proizoidet v odnochas'e], in: 'Life without a State: the Revolution in Kurdistan' [Zhizn' bez gosudarstva: revolyutsiya v Kurdistane] sost. D. Okrest, D. Petrov, M. Lebskii, Moscow: Common place, pp. 248–257. (In Russ.)]
- Кондратьева, Н. Б. (2021) 'Региональная политика ЕС и деятельность Комитета регионов (июнь–август 2021)', *Европейский Союз: факты и комментарии*, 105, сс. 42–46. [Kondrat'eva, N. B. (2021) 'Regional policy of EU and activities of the Committee of Regions (June-August 2021)' [Regional'naya politika ES i deyatelnost' Komiteta regionov (iyun'-avgust 2021)], *European Union: facts and comments*, 105, pp. 42–46. (In Russ.)].
- Криворотов, А. К. (2021) 'Гренландия и Дания: арктический сепаратизм в силовом поле мировой политики', *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 1 (14), сс. 118–134. [Krivorotov, A.K. (2021) 'Green land and Denmark: Arctic Secessionism in a Global Powerplay' [Grenlandiya i Daniya: arkticheskii setsessionizm v silovom pole mirovoi politiki], *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 1 (14), pp.118–134 (In Russ.)]. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6
- Кузнецов, Д. А. (2021) 'Соотношение трансрегионализации и глобализации в мировой политике', *Вестник МГИМО Университета*, 5 (14), сс. 65–80. [Kuznetsov, D. A. (2021) 'Transregionalization in the Context of Globalization' [Sootnoshenie transregionalizatsii i globalizatsii v mirovoi politike], *MGIMO Review of International Relations*, 5 (14), pp. 65–80. (In Russ.)]. DOI 10.24833/2071-8160-2021-5-80-65-80. EDN HBAHNS.
- Курныкин, О. Ю., Папашвили, Г. З. (2022) 'Особенности политического процесса в специальном административном районе Гонконг (1997–2021 гг.)', *Известия Алтайского государственного университета*, 2 (124), сс. 50–54. [Kurmykin, O.Yu., Papashvili, G. Z. (2022) 'Features of the Political Process in the Hong Kong Special Administrative Region (1997–2021)' [Osobennosti politicheskogo protsessa v spetsial'nom administrativnom raione Gongkong (1997-2021)], *Izvestiya of Altai State University*, 2 (124), pp. 50–54. (In Russ.)]. DOI: 10.14258/izvasu(2022)2-07
- Лагутина, М. Л., Михайленко, Е. Б. (2020) 'Регионализм в глобальную эпоху: обзор зару-

- бежных и российских подходов’, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2 (20), сс. 261–278. [Lagutina, M. L., Mikhailenko, E. B. (2020) ‘Regionalism in Global Era: Overview of Foreign and Russian Approaches’ [Regionalizm v global’nyu epokhu: obzor zarubezhnykh i rossiiskikh podkhodov], *Vestnik RUDN. International Relations*, 2 (20), pp. 261–278, (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278
- Лапкин, В. В. (2023) ‘Территориальное государство и сложное общество: императив коэволюции в пространстве политики’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 172–191. [Lapkin, V. V. (2023) ‘Territorial state and complex society: the imperative of co-evolution in the space of politics’ [Territorial’noe gosudarstvo i slozhnoe obshchestvo: imperativ koevolutsii v prostranstve politiki], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 172–191. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.11. EDN: NRKPJP
- Лебедева, М. М., Кузнецов, Д. А. (2019) ‘Трансрегионализм – новый феномен мировой политики’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 71–84. [Lebedeva, M. M., Kuznetsov, D. A. (2019). ‘Transregional integration as a new phenomenon of world politics: nature and prospects’ [Transregionalizm – novyi fenomen mirovoi politiki], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 71–84. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06
- Лебский, М. (2017) ‘Почему курды отказались от собственного государства?’, в: *Жизнь без государства: революция в Курдистане* сост. Д. Окрест, Д. Петров, М. Лебский, Москва: Common Place, сс. 240–247. [Lebskii, M. (2017) ‘Why did the Kurds abandon their own state?’ [Pochemu kurdy otkazalis’ ot sobstvennogo gosudarstva?], in: ‘Life without a State: the Revolution in Kurdistan’ [Zhizn’ bez gosudarstva: revolyutsiya v Kurdistane] sost. D. Okrest, D. Petrov, M. Lebskii, Moscow: Common place, pp. 240–247. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2020) ‘Многоликий регионализм’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 1 (14), сс. 102–115. [Panov, P. V. (2020) ‘Many faces of regionalism’ [Mnogolikii regionalizm], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1 (14), pp. 102–115. (In Russ.)]. DOI 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115. EDN GGUBXG
- Попов, Ф. А. (2021) *География сепаратизма*. Москва: Новый хронограф. [Popov F.A. (2021) *Geography of secessionism* [Geografiya setsessionizma], Moscow: Novyi khronograf]. (In Russ.)].
- Салицкий, А. И., Виноградов, А. В. (2021) ‘Гонконгское противостояние: внутренняя динамика и внешние аспекты’, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 1 (14), сс. 135–150. [Salitskii, A. I., Vinogradov, A. V. (2021) ‘Hong Kong’s Stand-off: Indigenous Dynamics and International Perspective’ [Gonkongskoe protivostoyanie: vnutrennyaya dinamika i vneshnie aspekty], *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 1 (14), pp.135-150. (In Russ.)]. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-7
- ‘Made-to-measure Future(s) for Democracy? Views from the Basque Atalaia’ (2023) Ed. by Julen Zabalo, Igor Filibi, Leire Escajedo San-Epifanio Cham, Switzerland: Springer.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 05.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**POTENTIAL OF AUTONOMY OF INTRA-STATE REGIONS:
OUTCOMES FOR SOVEREIGNTY**

Yu. Frolova

Yulia Frolova, candidate of political science, assistant professor of the Department of Political Science, Institute of History and Social Sciences, Herzen University, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: ORCID 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Abstract. The article is dedicated to the issue of separatism, specifically one of its forms – the autonomism of intra-state regions and its possible consequences and influence on sovereignty. The author emphasizes that secessionism is more often considered as the main threat to a sovereign state, however, autonomism, transforming a sovereign state from within, probably creates even more serious challenges. The methodological basis of the work is presented by the theories of sovereignty, regionalism, autonomism, separatism, as well as the concept of an intra-state region as an actor in global politics. The article focuses on the problems of the transformation of sovereignty in the modern world and the prospects this process creates for the development of the autonomism movement. Considering some examples of autonomism, the author formulates a thesis about the complexity of this phenomenon: this is not only a movement to acquire political subjectivity, but also an analytical and existing structure consisting of the movement itself and a variety of interrelated actors and projects that arise both inside and outside the state, in global politics. As a result, conclusions are formulated about the possible consequences for sovereignty, as well as further directions of research on the issue.

Keywords: autonomism; separatism; sovereignty; intra-state region; regionalism; Europe of regions; subjectivity.